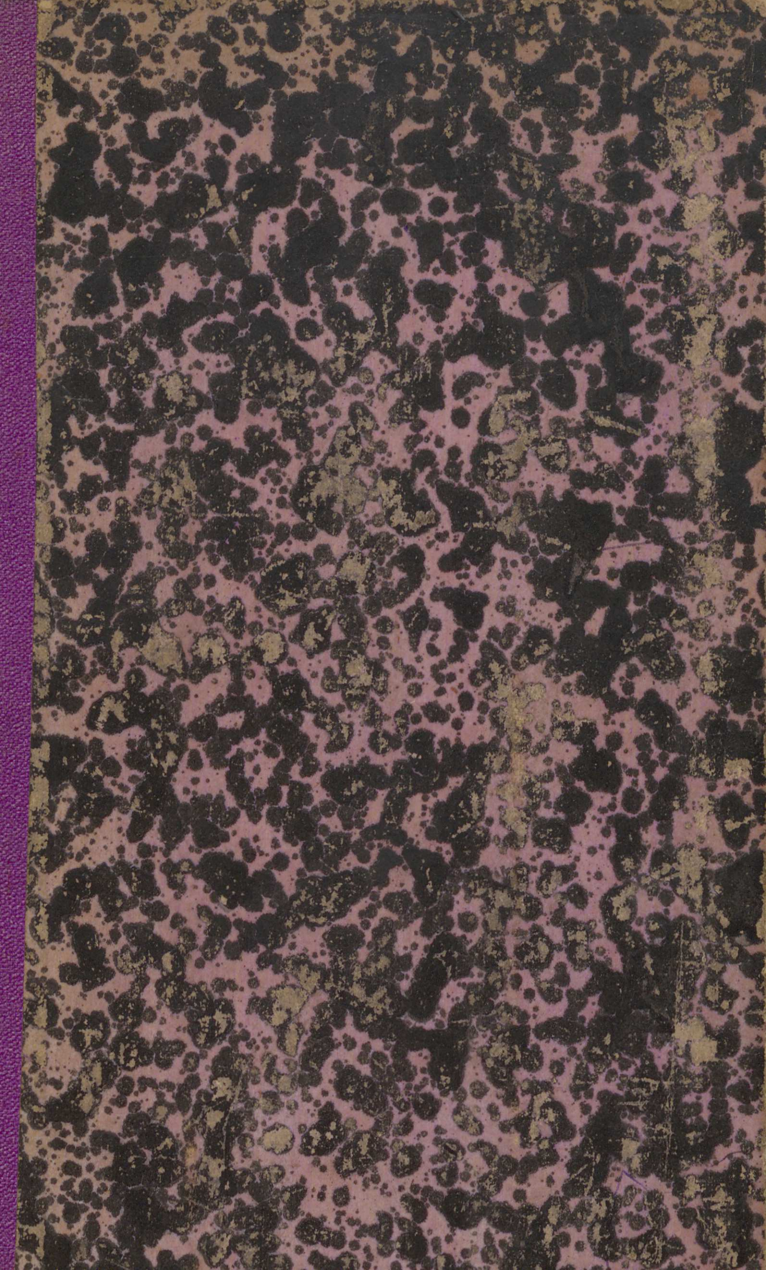

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 69.
ПОЛКА 8
№ 10

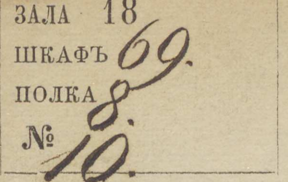
ГОНИМАЯ
НЕВИННОСТЬ
или
ОБМАНУТЫЙ НАДЕЖДОЮ
ЛЮБОМУДРЪ.

Иждив. С. Петрова.

ВЪ МОСКВѢ,
въ типографїи Пономарева, 1786 года.

Съ указнаго дозволенїя.

ЗАЛА 18
ШКАФЪ 69.
ПОЛКА 8.
№ 10.

ЕГО ВЫСОКОБЛАГОРОДІЮ
КОЛЛЕЖСКОМУ СОВѢТНИКУ
и
Московскому Полицмейстеру
ПЕТРУ ПАВЛОВИЧУ
ГОДЕНУ
Милостивому Государю
всеусерднѣйшее приношеніе.

Ваше Высокоблагородіе!

Милостивый Государь!

Издавая, въ свѣтъ книгу подъ заглавіемъ *гонимая невинность*, или *обманутый надеждою любомудръ*, принимаю смѣлость приписать оную Вашему имени.

Довольно вѣдаю, сколь малодостойно сіе приношеніе быть можетъ поднесено Вашему Высокоблагородію: однако исполняю долгъ чувствительнаго признанія и искренняго усердія, каковой всякому благодарному человѣку къ своимъ благодѣтелямъ имѣть должно.

По чему и прошу Ваше Высокоблагородіе! сію мою смѣлость съ сроднымъ вамъ великодушіемъ понести милостиво, удостоя сію книжку обще и трудившагося въ ея сочиненіи благосклоннаго Вашего принятія; чѣмъ составите верхъ моего благополучія, дозволя мнѣ притомъ съ наиглубочайшимъ почитаніемъ быть

Милостивый Государь!

Вашего высокоблагородія!

нижайшимъ слугою,

А. Г.

ПРЕДЪУВѢДОМЛЕНІЕ
КЪ
ЧИТАТЕЛЯМЪ.

Благосклонные читатели!

Свободные часы времени употребилъ я на безвинное таковое упражненіе, которое меня увѣрило, что въ свѣтѣ должно располагать свою жизнь по опредѣленію провидѣнія, а не по своему желанію.

Не трудно въ счастіи безъ разума хоть
жить,
Наука трудная несчастія сносить.
Кого лучемъ своимъ хоть счастіе озаряетъ,
Но знай тотъ, что оно поспѣшно
изчезаетъ.
Заблаговременно учитесь то сносить,
Что съ вами, смертные, не медля
можетъ быть.
Надежда счастія обманчива, превратна.
И болѣ наша жизнь несчастіямъ подвластна.
О! счастіе, для всѣхъ ты сонная мечта.
Все въ свѣтѣ тлѣнъ и прахъ, и словомъ, суета:
Едина доброта вездѣ блеститъ, сіяетъ.
Невѣжства грубыйココ мракъ далеко прогоняетъ.
Постигнутъ въ свѣтѣ васъ пускай несчастья, скорбь.

Бѣды, гоненія: лишь твердую любовь
Ко добродѣтели внутри сердецъ питайте.
О! смертные, сего никакъ незабывайте:
Она едина васъ узъ скорбныхъ свободитъ.
И лавромъ похвалы украситъ и почтитъ.
Пусть ненавистники поносятъ васъ, ругаютъ.
Но тѣ самихъ себя стрѣлами въ грудь пронзаютъ;
И знайте, что тѣ васъ ни чѣмъ не повредятъ;
Старайтесь лишъ во всемъ разумно поступать.
И сполнена сія жизнь всюду суетами.
Тоской, унынïемъ, отчаяньемъ, слезами.

И такъ, да соблаговолятъ благосклонные читатели принять сей малѣйшій мой трудъ, и пользоваться онаго чтенïемъ. Не буду я передъ ними оправдоваться въ слабости моихъ силъ. Я бы желалъ болѣе служить любителямъ отечества, но скудость моего пера полагаетъ мнѣ предѣлы. Впрочемъ же предаю могущія быть по человѣчеству, а особливо по моимъ недостаткамъ, какія либо въ семъ трудѣ погрѣшности, безъ пристрастному искуснѣйшихъ исправленïю.

ГОНИМАЯ НЕВИННОСТЬ.

✣✣✣✣✣✣✣✣✣

Мы страстно желаемъ жить въ свѣтѣ, да и жить во всякомъ счастiи; но не стараемся проникнуть въ тончайшую связь того, что насъ содѣлаваетъ благополучными. Сiе желанiе уменшить надобно для того, когда не хочемъ, чтобы не встрѣчались съ нами въ жизни никакiя несчастiя и безпокойства. Но сколь мы въ томъ много обманываемся! Часто мы видимъ добродѣтель въ наружномъ несчастiи, презрѣнiи и попранiи: а таковыхъ людей, которые оной удалены, въ уваженiи и почтенiи. Сiе есть весьма печальное позори-

ще, и стыдъ роду человѣческому! Но оно уже въ свѣтѣ стало нѣсколько употребительно. Разумной человѣкъ не смотритъ на сіе съ воздыханіемъ, и чрезъ то не допускаетъ себя совратиться съ пути добродѣтели. Знаемъ мы совершенно, что настоящая скоротечная жизнь не есть совершенное благо, и крайнее удовольствіе; чрезъ сіе самое должно умѣрять наши желанія стремящіяся къ такому добру, которое сію жизнь содѣловаетъ дражайшею. И таковое умѣреніе отнимаетъ у насъ тысячу снѣдающихъ печалей, тысячу возмутительныхъ представленій, тысячу тщетныхъ затрудненій и тягостей.

Я совершенно такого мнѣнія, что случающіяся въ жизни человѣческой несчастія происходятъ не столько отъ недостатка нашего старанія, сколько отъ того, что мы оное съ излишествомъ употребляемъ; и съ великою забо-

тою стараемся получить то, чтобы намъ природа сама собою учинила, когда бы мы безъ сопротивленія слѣдовали ея вдохновеніямъ. Не пристойно бы кажется было, ежели бы кто сказалъ, что разумныя твари подвергаютъ себя всѣмъ несчастіямъ: но мы къ снесенію таковой укоризны безъ всякаго огорченія находимъ себя принужденными.

Всякая вещь, говоритъ Платонъ, *есть воображеніе*. Довольно всѣмъ извѣстно, что въ нашей состоитъ власти управлять онымъ воображеніемъ. По чему мы справедливо наказаны бываемъ, когда оному даемъ свободу, или употребляемъ такъ, что оной доводитъ насъ до безпокойства, отъ коего и приключаются различныя въ жизни бѣдствія.

Самой безопасной и скорой путь, открыть лживыя представленія нашего разума, есть, разговаривать самому съ собою, и испы-

тывать себя такъ, какъ показали возобновители древнихъ наукъ. Ежели наши воображенія сходствуютъ съ оными опытами, которые ихъ представляютъ въ подлинномъ видѣ, то онѣ справедливы и разумъ нашъ оныя принять можетъ безъ всякаго опасенія. А когда же онѣ не сходствуютъ, и при опытахъ перемѣняются, то ложны, обманчивы, и достойны опроверженія. Сіе насъ научаетъ, что при исканіи благополучія люди весьма много заблуждаютъ, и не чувствительно обманываются. Никто, я думаю, не усумнится въ семъ, что благополучіе есть тѣнь спокойствія, которое непрестанно перемѣняется по воображенію. Совершенное же человѣческое благополучіе состоитъ въ исканіи единыя токмо добродѣтели. Умъ, придержащійся добродѣтели, подобенъ неоскудѣваемому источнику, которой имѣетъ въ себѣ чистую, сладкую, вкусную, здоро-

вую, ко всему полезную, довольную, не вредительную и не испорченную воду. И такъ лучше должно желать добродѣтели, нежели тѣхъ благъ, которыя глупымъ быть могутъ вредительными.

Превосходная добродѣтель! Ты одна уготовляешъ изъ насъ достойныхъ обитателей сея земли! Ты одна возвышаешъ неоцѣненную драгость нашего безсмертія. Ты сильно проницаешъ душу нашу священнымъ огнемъ твоимъ, чтобы съ горячестію почитали Творца на пути вѣчности. Ты дѣлаешъ, что съ чистымъ, непорочнымъ и истиннымъ увеселеніемъ можемъ наслаждаться драгоцѣнною пріятностію тѣхъ прелестей, которыми насъ объяли безконечныя доброты въ нашемъ странствованіи. Ты одна наибольшая управительница истиннаго нашего благополучія: безъ тебя же мы весьма бѣдны и презрительны. Тобою, драгоцѣнная добродѣтель! Порфи-

ра есть великолѣпнѣе, и достоинства почтеннѣе. Что есть безъ тебя увеселенiе? Ни что болѣе какъ смрадный источникъ, изъ коего изтекаетъ не чистая вода; стремящiяся рѣки, которыя весьма скоро влекутъ безсмертной духъ въ порочную роскошь: густая мгла, коя объемлетъ душу безконечнымъ мракомъ: не благополучные вожди къ погибели; враги человѣчеству, которые презирая благоразумiе, подражаютъ обманчивымъ промысламъ. Но съ тобою, о священная добродѣтель! Наслаждаются всѣмъ свято и безпорочно: тобою оно удаляется гнусной роскоши, коя борется съ душею: ибо ты всѣхъ творишъ прозорливыми.

О! какъ велико твое вдохновенiе во всѣ человѣческiя состоянiя! Тобою снискивается истинное дружество, ты, отвергая собственную пользу, утверждаешъ между нами человѣколюбiе: ты

уничтожаешъ презрѣнія достойную гордость, а возвышаешъ почитателей правдивыя кротости: тобою всякой живетъ для взаимныя пользы: тобою достигаютъ превосходнаго намѣренія: тобою учинился свѣтъ пріятнымъ обиталищемъ: ты воспитываешъ благоразумныхъ и полезныхъ сыновъ отечеству: тобою живутъ достойные родители наставляющіе въ юности дѣтей своихъ честности и благонравію: тобою счастливо живутъ бѣдные; ты облегчаешъ ихъ горестную и мучительную бѣдность.

Едва я только успѣлъ свободно ступить ногою на театръ человѣческаго житія, то уже и изпустилъ слезные потоки изъ глазъ своихъ, и весь воздухъ наполнилъ необычайнымъ воплемъ, чрезъ то самое предзнаменовалъ, что меня въ свѣтѣ постигнутъ опасности, бѣдствія и злополучія. О! злобной рокъ, сколь ты

не милосердъ! Ни что тебя въ свѣтѣ семъ избѣгнуть не можетъ. Ты не сожалѣешъ о кипящей младости, не трогаешься разцвѣтающею юностїю, не щадишъ согбенной старости, ниже уважаешъ почтеннѣйшую добродѣтель! Таковое твое жестокосердїе тѣмъ справедливѣе доказано быть можетъ, что я и самъ неоднократно тобою былъ притѣсняемъ и гонимъ. Не много мнѣ еще отъ рожденїя минуло лѣтъ, какъ уже мрачной туманъ печали упалъ на мое нѣжное сердце, и препятствовалъ возсїять солнцу спокойствїя, благополучїя и веселїя.

Я съ ревностїю увѣряю, что добродѣтель и здравое разсужденїе суть единственныя правила нашихъ дѣйствїй. Но то я сношу съ досадою и огорченїемъ, что любящїе добродѣтель бываютъ не рѣдко подвержены всякимъ тягчайшимъ несчастїямъ.

Сïе не оспоримо быть кажется, что чрезвычайныя нападки такихъ людей, которые покрыты мракомъ грубости, малоумïя и невѣжества, нарушаютъ прïятныя и спокойныя мысли. Сïи то люди затмѣваютъ красный день благополучïя, и прïятную ночь, опредѣленную для наслажденïя тишиною и спокойствïемъ, заставляютъ проводить въ горести, отчаянïи и мученïи.

Но дабы таковымъ предисловïемъ ненависти скуки и отвращенïя благосклоннымъ читателямъ, то *обманутый надеждою Любомудръ* такъ начинаетъ о себѣ повѣствованïе.

Отечество мое прекрасный и древнѣйшïй городъ мудростïю, науками, различными художествами и искуствами прославившагося государства. Рожденïемъ моимъ одолженъ я незнатнымъ и не избыточествующимъ чрезмѣрно богатствомъ, но добродѣтельнымъ и че-

стнымЪ родителямЪ: воспитанїе же имѣлЪ я не по древнему обыкновенїю. Ибо воспитанїе у древнихЪ вообще было худо, и учители поступали сЪ юношами на подобїе мучителей. Многочисленныя печальныя позорища, для снабдѣванїя дѣтей ихЪ были представляемы, не имѣли столько силы таковое вредное обыкновенїе ограничитЪ и привести вЪ порядокЪ. Но я же воспитывался такЪ, какЪ требовали правила нынѣшняго вѣка. И какЪ скоро я пришелЪ вЪ то состоянїе, вЪ которомЪ мои чувства едва еще могли различить добро отЪ зла, полезное отЪ вреднаго и гнуснаго: то уже попечительные мои родители вдохнули вЪ меня нѣкоторою побудительною силою охоту принести себя вЪ жертву великому и сильному Аполлону.

Разумные и добродѣтельные родители хотя вЪ свѣтѣ и не великїе мудрецы; но только имѣ-

ютъ нѣкоторое просвѣщенїе разума, и поступаютъ по природѣ, сколько оную испытали и познали своимъ разсудкомъ по опредѣленнымъ и порядочнымъ ея дѣйствїямъ. Однако при всемъ томъ не презираютъ они и правилъ науки, чрезъ которыя природа изощряется, и большую получаетъ силу чувствованїй. Одни только тѣ, которые повинуются своимъ страстямъ, грѣшатъ въ семъ противу природы, и дѣлаются мучителями оныя.

Нѣга при воспитанїи дѣтей не должна имѣть мѣста потому что она при веленїи того, что сдѣлано быть должно, поступаетъ весьма слабо, много упускаетъ, и старается дѣтей наипаче уволять отъ упражненїя, нежели принуждать къ оному. Она во многихъ случаяхъ не довѣряетъ природѣ, побуждается къ сожаленїю различными жалобами хитраго любимца, не видитъ лѣности и гулянїя,

гдѣ бы ей строже поступать надлежало, и отвращать и то и другое; но вмѣсто того она сама убѣгаетъ всякой скуки и отягощенія для того, что чрезъ то нарушается мнимое ея спокойствіе, которое она выше всего почитаетъ.

И такъ нѣга, лакомство, пышность, великолѣпіе, разборчивый вкусъ, прихоть въ обычаѣ суть такія подробности, что сокрываются отъ самаго строжайшаго благоустройства, въ которыя никакъ вмѣшаться не могутъ благопристойность и добронравіе.

При такомъ поведеніи дѣти много имѣютъ себѣ выигрышу, но все только служащій къ своему вреду. Ибо лучше бы таковымъ давать упражненіе, отъ чего имъ можетъ произойти много пользы: когда напротивъ того многое упражненіе другимъ причиняетъ великой вредъ.

Излишнее упражненіе въ дѣлѣ для того бываетъ дѣтямъ вредно, что оно весьма много ослабляетъ и изтощаетъ ихъ силы. Прилѣжность примѣчанія приходитъ въ слабость, когда оною человѣкъ сильно напряженъ бываетъ, чтобы тонко проникнуть въ какой ни есть предметъ предъ глазами обращающійся. Сіе можно примѣтить надъ самимъ собою: когда углубишься въ чтеніе такое, надъ которымъ много требуется разсужденія, то притупляются всѣ чувственныя силы. И чтобы сіе самое доказательство учинить сильнѣйшимъ, то выберемъ такого человѣка, которой бы великой былъ охотникъ до благовонныхъ цвѣтовъ, и поставимъ его въ саду на одномъ мѣстѣ, чтобъ онъ тамъ стоялъ неподвижно цѣлой часъ. Потомъ приведемъ его на другое, гдѣ бы его зрѣніе и обоняніе имѣли удовольствіе, только съ такимъ условіемъ, чтобы онъ ни

ногою съ мѣста, какъ и прежде, не трогался, и такъ далѣе нѣсколько часовъ; то увидимъ, что онъ при всѣхъ сихъ его чувства плѣняющихъ пріятностяхъ дѣлать станетъ. Онъ придетъ въ нетерпѣливость, и все для него будетъ несноснымъ бременемъ. Обратитъ онъ свое зрѣніе въ другую сторону, и приложить стараніе, чтобы ему поскоряе вытти изъ такого пріятнаго и скучнаго мѣста.

Естьли отъ упражненія въ свободныхъ наукахъ не таковой происходитъ плодъ, каковой обыкновенно требуется; а получается только единое увеселеніе; то о таковомъ достойнѣйшемъ послабленіи души должно разсуждать благоразумному человѣку. Ибо науки воспитываютъ юношество, старость увеселяютъ, счастіе украшаютъ, въ несчастіи прибѣжище и утѣшеніе подаютъ, пріятны во отечествѣ, не препят-

ствуютъ и внѣ онаго, съ нами странствуютъ и соучаствуютъ въ снесенїи трудовъ. Наука же есть сильнѣйшая и изряднѣйшая вещь въ свѣтѣ; почему я и сдѣлалъ привычку всякой день упражняться по нѣскольку часовъ въ полезномъ ученїи, къ чему поощренїемъ мнѣ служили не суровость и угрозы моего учителя, но снисходительная благосклонность и забавная ласковость. Таковое прїятное и безвинное упражненїе много мнѣ способствовало ко удаленїю отъ пороковъ, которые не чувствительно и непримѣтно вкореняются въ кипящей младости. Я не усыпнымъ старанїемъ и рачительнымъ тщанїемъ моихъ родителей, снискалъ себѣ ту похвальную добродѣтель, которая мнѣ въ счастїи, равно и несчастїи служила истиннымъ увеселенїемъ и благородною забавою. Она мнѣ въ счастїи не позволяла возноситься и раболѣпно жертвовать подлой ро-

скоши; въ несчастіи же напротивъ обременять себя тугою, печалію и уныніемъ. Ибо первое подаетъ поводъ къ развращенной и распуской жизни, и сіе человѣку, нѣсколько отличившемуся отъ грубыхъ невеждъ, не прилично; а послѣднѣе безвременно обезображаетъ юность, заставляетъ увядать распускающейся красотѣ, и наконецъ нечаянно можетъ лишить наслажденія сею жизнію.

Роскошь мало имѣетъ такихъ удовольствій, кои бы не были зависимы отъ гордости. Самоизбраннѣйшей ея вкусъ есть поддѣльной, а увеселенія мечтательны и сумозбродны. Она пріятна только тѣмъ, которые ею наслаждаются, и прибыточна тому, кто оную доставляетъ. Пышность и надмѣнность не могутъ быть въ уваженіи и почтеніи. Чистое благонравіе заступитъ мѣсто развращенныхъ и сластолюбивыхъ обычаевъ. Вся почесть обратится до-

стойнымъ людямъ, а не надутымъ тщеславіемъ, и изобилующимъ роскошію. Почему я въ счастіи искалъ безвинной забавы и увеселенія, печаль же свою облегчалъ упражненіемъ въ свободныхъ наукахъ. И то мнѣ въ теперешней моей горести, о которой послѣ узнаете, не малая отрада и удовольствіе.

Человѣкъ въ состояніи будетъ себя сдѣлать полезнымъ, имѣя одно потребное въ благопристойности, не возъимѣетъ нужды въ корыстолюбіи, и свободясь отъ рабства надобностей гнусной роскоши, не чувствуетъ въ самомъ себѣ прозябеніе честной мысли. Желаніе славы обладаетъ его душею гордящеюся своею свободою: въ то же время откроются всѣ способы благороднаго соревнованія. Когда онъ восхощетъ сіе сдѣлать, то присоединитъ постыженіе нѣгѣ, презрѣніе праздности, возбранитъ богатству, и праву высоко-

мѣрія: онъ возможетъ и то сдѣлать, что, наичувствительнѣйшія забавы, и сладчайшія въ жизни удовольствія, присвоятся къ тому, къ чему имѣется всеобщее почтеніе; а тѣмъ самимъ возможетъ онъ унизить роскошь, и отнять у нее гордыню. Сего довольно. И какъ скоро порабощена будетъ роскошь, то уже не посрамитъ она бѣдности, и не затмитъ блеску добродѣтели. Тогда то уже воздаяніе и почтеніе отъ всего общества, чины и достоинства сохранятся однимъ заслугамъ. Тѣ могутъ почесться благополучными въ свѣтѣ, которыхъ никакія движенія не возмущаютъ, никакія страсти не безпокоятъ, никакія болѣзни не устрашаютъ, и наконецъ никакія радости не прельщаютъ, и не успокоиваютъ. Ибо сей свѣтъ есть такая вещь, которой мы должны или смѣяться, или съ досадою смотрѣть на оную. Жизнь же наша слѣпа, со-

мнительна, тлѣнна и скучна: отъ живности мокротъ она напыщенна, отъ жестокости припадковъ порабощенна, отъ нѣжности пищи умягченна, отъ постовъ изтощенна, отъ печальныхъ мыслей изсушенна, отъ своей надежды помраченна, отъ пышности богатствъ смущенна, отъ бѣдности убожества отягощенна, отъ ига старости погорбленна, отъ тягостей болѣзней обремененна, и наконецъ отъ ударовъ смерти погашенна. Но какъ бы сіе ни бѣдственно быть казалось, однако мы безпрестанно печемся о продолженіи нашея жизни.

Все здѣшней жизни благополучіе состоитъ въ суетѣ. Когда оное намъ представляется, то мы его почитаемъ за вещь постоянную и твердую: наше сердце льстясь таковымъ видомъ благополучія, протягиваетъ къ нему руку, и слѣпо за него хватается;

а по полученіи онаго, вѣчно имъ надѣется веселиться.

Но оное благополучіе подобно есть обниманію текущей воды: съ того самаго часа, какъ мы начинаемъ его имѣть, оно уже начинаетъ убѣгать. Въ самое любимое время обниманія и имъ увеселенія; и въ самую лучшую пору нашего ласканія, и нашего упованія оно уходитъ изъ рукъ, и продолжаетъ свое путешествіе: мы же последуя теченію нашему съ нимъ разстаемся, идемъ все туда, куда насъ зоветъ наше состояніе, и влечетъ время: оное ни къ чему, а мы ко смерти.

Время проходитъ скоро, увеселеніе единыя минуты, и слезы вѣчности, граничатъ вмѣстѣ. Оные долгіе годы, о препровожденіи коихъ мы помышляемъ, между ими обоими, многократно бываютъ не болѣе одной ночи. Можетъ статься, что тѣ же самые годы, имѣющіе притти къ намъ въ вечеру

благополучно на многомощномъ и высокомъ счастiи утвержденные, застанутъ насъ по утру погребенныхъ подъ истребленiемъ того счастiя. Самыя справедливыя причины къ презрѣнiю, каково мы долженствуемъ показывать о сихъ убѣгающихъ благополучiяхъ, состоятъ въ словѣ семъ: *суета*.

На что я ни воззрю, вездѣ зрю суету,
Оставя все я чту едину простоту,
Она спокойствiе въ душѣ моей раждаетъ;
А прочее меня ни что не утѣшаетъ:
Любезна тишина! драгая простота!
Нетлѣнна ваша есть и будетъ чистота!
Мнѣ нравится сiе, и чту я добродѣтель,
Всемъ сердцемъ чту того, кто оныя содѣтель.
Приятны для тебя коварство, смертный! лесть;
Чины, достоинства, богатство, пышность, честь,
По что къ симъ тлѣнностямъ любовiю пылаешъ,
Тѣмъ величаешься, надмѣнну бровь вздымаешь.

Бѣги всѣхъ роскошей, бѣги, о смертный! лжи,
Люби лишь чистоту, и добродѣтель чти.
Утѣха есть кратка и суетна забава,
Мечтательны красы, обманчива есть слава:
На чтожъ надежду ты желаешь здѣсь имѣть?
Полна жизнь суеты, въ ней постоянства нѣтъ.
Ищи единаго спокойства во блаженствѣ,
Достигнешъ радости въ великомъ совершенствѣ.

Какъ скоро я вышелъ изъ дѣтства, и достигъ до совершеннаго отрочества, получа нѣкоторое слабое понятїе о вещахъ представляющихся моимъ нѣжнымъ чувствамъ, то ощутилъ въ душѣ своей сильную страсть не къ тому прекрасному и лестному предмету, которой своими прiятными, обманчивыми и заразительными взорами проницаетъ сквозь тончайшую завѣсу во внутренность мягкаго сердца, и имъ обладавъ, ли-

шаетъ возлюбленнаго покоя и удовольствія, и похитивъ драгоцѣнную и не возвратимую вольность, заключаетъ во оковы всѣхъ безпокойствъ, смущенія, отчаянія и сильнаго раскаянія: но къ тому, которой человѣка дѣлаетъ совершенно благополучнымъ. И такъ я во всю мою жизнь избралъ себѣ то наставникомъ и учителемъ, что превосходитъ всѣ вожделѣнія и драгоцѣнности суетнаго и непостояннаго сего міра.

Ученіе вмѣнялъ я себѣ въ игрушку, и отъ одного дѣла по малу привыкать къ другому, во увеселеніе. Моя охота и любовь къ перемѣнѣ, прекращали и продолжали мое упражненіе. Учитель облегчалъ мое бремя, и управлялъ волею, хотя и казалось, что онъ мнѣ послабляетъ. Такимъ образомъ и должно воспитывать дѣтей. Не малое знаніе состоитъ въ томъ, чтобы случающуюся матерію проходить слегка, одно пра-

вило изъяснять после другаго, никогда ума не утомлять, труд делать увеселенiем, возбуждать любопытство, поощрять к самолюбiю, убегать скучнаго, выведывать нрав, и оной поправлять в пристойное время. Молодой веселаго сложенiя и переменчивой человек, начинающiй чувствовать жар страстей, малоспособен к безпрерывному ученiю, и уже поздо изощрят его разум. *Посей правила на мягком и влажном месте, то пожнешь в свое время плоды.*

Сколь мои чувства пленило несравненное Пиѳагорово к его ученикам изреченiе, которое сей философ всеконечно взял от наблюденiя. *Избирай всяк*, сказал он им, *наилучшей род житiя; ибо оной от привычки сделается прiятнейшим.*

Те люди, которым дозволяют обстоятельства избирать самим род житiя, часто не про-

стительный содѣловают проступок, когда не принимаются за то, что им разум, яко похвальнѣйшее, превозносит. В таком случаѣ надлежит болѣе слѣдовать разуму, нежели побужденію перемѣнчивой склонности; ибо склонность предается наконец разуму. Напротив же того никогда мы не можем принудить здраваго разума, чтобы он уступил склонности, Чтож касается до меня, то я признаюсь, что в сем самом предпочел склонность разуму, и потому чрезвычайно много обманулся.

Разумной человѣк ничего не предприемлет без совѣтов дружеских. И он в таких случаях должен знать многія дороги; или приводить себѣ в память то, что время не всегда одинаково бывает. И сія то есть преизрядная наука к счастливому произвожденію дѣл чрез прилѣжаніе, чтобы умѣть оста-

новляться, и покоиться въ свое время.

Теперь приступлю я къ первому моему злополучію, о которомъ обстоятельно упомянуть долженъ. Благоразумныя наставленія моего учителя никакъ не могутъ заглажены быть изъ моей памяти. Онъ часто мнѣ твердилъ: „ *Любезное дитя! ты теперь уже пришелъ въ состояніе вступить на большой театръ свѣта. Я желаю отъ всего сердца, чтобы ты нашелъ въ немъ свое счастіе, и исполнилъ надежду, которую я на тебя имѣю. Признаюсь, что все свое стараніе прилагаю я о тебѣ: и сіе не для того, чтобы сомнѣвался о твоемъ сердцѣ: знаю я, сколь оно честно, но извѣстно мнѣ и то, что свѣтъ наполненъ множествомъ худыхъ примѣровъ, они великое имѣютъ дѣйствіе въ молодомъ человѣкѣ. Многіе не имѣя совсѣмъ худыхъ склонностей ввергнули себя чрезъ то въ поро-*

ки и несчастїя. Я зналъ людей, которые не смотря на то, что имѣли доброе сердце, потерявъ свою невинность, начали терпѣть кораблекрушенїе свѣта. Сколь много я буду опечаленъ, дражайшее дитя! Когда допустишъ ты себя обмануться примѣрами, которые тебѣ представляются: ты будешъ имѣть безпокойную совѣсть, и несчастную жизнъ; а я чувствительную отъ того печалъ. Но совсѣмъ тѣмъ можешъ ты избѣгнуть сего несчастїя, и не допустить меня до огорченїя. Старайся прилѣжно слѣдовать главнымъ правиламъ закона, чести и добродѣтели, которыя вкоренить тебѣ прилагалъ я все мое старанїе. Прими сїе основанїе непремѣннымъ правиломъ во всѣхъ своихъ поступкахъ; тогда не будешъ во вѣкъ злонравнымъ и безчестнымъ. Здѣсь слѣдуютъ сїи основанїя; вкорени ихъ твердо въ свое сердце, сохрани ихъ, и онымъ

последуй. Сіи правила я презрѣлъ, и показалось ихъ для меня не довольно: почему и возъимѣлъ желаніе водвориться въ то знаменитое мѣсто, гдѣ воздвигнутъ и поставленъ позлащенной тронъ учености, на коемъ сидитъ божественная премудрость, облеченная въ златотканную порфиру, и благоразумно управляющая онымъ знаменитымъ обществомъ. Я тотчасъ примѣтилъ, что сіе мѣсто приводитъ въ совершенство всѣ науки, что оно почитаетъ добродѣтель, и поистиннѣ таковое общество можно было назвать *домомъ озаренным свыше невещественнымъ огнемъ ученія.* Сколько я сему удивлялся, столько и благодарилъ свою судьбину. Но, ахъ! Это неоспоримая истинна, что человѣкъ, сколько бы онъ разуменъ и проницателенъ ни былъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ являетъ слабость своего существа. Не можно по наружности заключить,

чтобы въ толь райскомъ селенїи, каковое было оное ученое общество, имѣло мѣсто пронырливая зависть, лютая ненависть и огнедышущая злоба. Но сїи самые возмутители человѣческаго благополучїя и спокойствїя власть свою уже имѣли въ самомъ превосходномъ степени. Притворное благоприятствованїе дотолѣ въ своемъ содержится равновѣсїи, пока сердце наше не выступитъ изъ предѣловъ терпѣливости.

Блаженна та земля, въ которой царствуетъ добродѣтель! Тамъ процвѣтаетъ благополучїе, тамъ возрастаетъ счастїе, тамъ состоитъ все великолѣпно и прекрасно. И такъ, божественное превосходство! Тобою земли осѣнены благословенїемъ. Мѣста, приятныя мѣста, въ коихъ милость встрѣчается съ вѣрностїю, миръ лобзается съ правосудїемъ! Несчастна же напротивъ та страна, гдѣ нѣтъ добродѣтели! Тамъ раз-

рушается приятное благополучїе, тамъ истребляется твердый покой, тамъ обижается невинность, умножается злоба. Словомъ: таковая бѣдственная страна есть камень погибели и соблазна.

По вступленїи моемъ въ сей храмъ издающїй разныя благовонїя и ароматы учености и знанїя, счастїе милосердственнымъ мнѣ быть казалось, и обѣщало нѣчто высокое и непонятное: но я, по моей безразсудной младости, ослѣпясь непостоянною превратностїю счастїя, не простительно могъ обмануться, не размысля о томъ, что надежда подобна ложной монетѣ. Она нѣсколько времени бываетъ также дѣйствительною, какъ и хорошая, и служитъ ко многимъ случаямъ. А когда оную браковать станутъ, то примѣтивъ ея легкость и смѣсь, почувствуютъ какой отъ того бываетъ уронъ. Не разсудилъ также я о томъ, что истинная мудрость ненави-

дитъ всякаго безпорядка и не благоустройства, и поспѣшно удаляется отъ таковаго жилища. Тамъ только она обитаетъ, гдѣ искренно любятъ, сердечно желаютъ, и безъ предъ осужденія изыскиваютъ совершенное знаніе для просвѣщенія своего разума. Пока счастіе надѣляло меня своими поспѣшествованіями, то протекающіе дни моея жизни казались мнѣ минутами, и я чувствовалъ въ душѣ своей внутреннее спокойствіе и удовольствіе. Мои бѣдствія, и мои слезы возъимѣли начало съ самаго того дня. Оный день, радостное лѣто моихъ веселостей, премѣнилъ въ плачевную зиму печалей. Тишина моихъ удовольствій начала колебаться въ буряхъ безпокойствъ и смущеній: наконецъ солнце моихъ пріятностей закатилося со окончаніемъ того же самаго дня.

Доброй человѣкъ ни передъ кѣмъ болѣе себя не возноситъ,

какъ только передъ тѣмъ, кто его обидитъ. Ибо тогда уже состоитъ въ его власти простить своего обидчика. Но помогать людямъ, находящимся въ несчастiи, дѣло знаменитое, къ которому человѣкъ имѣетъ врожденную способность, и сiе называется нѣкоторымъ образомъ *дѣломъ Божiимъ и провидѣнiя.*

Совершенная правда, что человѣкъ всегда бываетъ спокойнѣе и меньше обманывается, когда пребываетъ среди благоразумнаго общества. Добродѣтельные и честные люди не только крайнее безпокойство, но и внутреннюю чувствуютъ муку отъ того, ежели кто, при нихъ злословитъ ближняго. Доброй человѣкъ хотя наружно и подверженъ различнымъ несчастiямъ, но внутренно онъ спокоенъ, доволенъ и благополученъ. Ежели гдѣ равному приключится какое либо благополучiе, ежели добродѣтельной прослав-

ляется, ежели скудость бѣднаго облегчается рукою благодѣтельнаго и мощнаго; то онъ почитаетъ сїе самое за предбудущее благословенїе промысла, яко награждающаго недостатокъ его благополучїя, потому что тоже самому ему дѣлать надлежало, ежели бы то находилось въ его силѣ. Но неслыханное и со всѣмъ невозможное дѣло, что бы злонравной человѣкъ былъ ко всѣмъ доброжелателенъ, и благосклоненъ къ невинностраждущимъ и несчастнымъ людямъ.

Человѣкъ, которой не имѣетъ причины укорять себя, находитъ въ своей невинности источникъ наибольшей отрады. Неправость, клевета и злобныя осужденїя не могутъ онаго привести во унынїе. Совѣсть ни чемъ его не обличаетъ, онъ не ненавидитъ своихъ клеветниковъ, сожалѣетъ о нихъ, и поручаетъ провидѣнїю устроивать случаи для оправданїя и показанїя невинности. Я не желаю симъ раз-

В

Гос. Публичная Б-ка

сужденїемъ увѣрить читателя, что достигъ я до той философской терпѣливости, которая весьма потребна для снесенїя великихъ несчастїй. Жесточайшїя приключенїя безпрестанно предстоящїя глазамъ моимъ, отравили наилучшїе мои дни ядомъ.

О несчастнѣйшїй я человѣкъ подъ солнцемъ! Боже мой! сколь сомнительно наше благополучїе, коего мы толь опредѣлительно надѣемся. Естьли бы я могъ предъ узнать мою горесть, и предвидѣть день моего злополочїя, то бы зарылся въ подземные пропасти, и бѣгалъ бы всѣхъ живущихъ во вселенной! родился я несчастнымъ, опредѣлено мнѣ жить злополучно. О! Боже, благоволи мнѣ по крайнѣй мѣрѣ умереть счастливо.

Младость и глупость мыслятъ только о настоящемъ, политическая мудрость припамятываетъ о приключенїи вчерашнемъ, и предъусматриваетъ о завтреш-

немъ. Крайняя же мудрость проницаетъ своимъ зрѣнїемъ съ одной стороны отъ начатїя времянъ даже до сотворенїя человѣка; и съ другой отъ смерти даже до вѣчности: и изъ обоихъ сихъ такъ дальновидныхъ крайностей, чинитъ она време настоящимъ, дозволяя имъ открывать всѣ свои нынѣшнїя мысли.

Вотъ совершенно бѣдственные плоды моего предприятїя! представьте, благосклонные читатели, что сего чувствительнѣе быть можетъ, какъ терпѣть зло и притѣсненїе за то самое, что человѣкъ любитъ добродѣтель? что сего болѣзненнѣе, какъ быть ненавидиму отъ тѣхъ, которымъ онъ оказываетъ истинное почтенїе, видя притомъ и то, какъ ему всѣ ставили хитрыя сѣти и копали ровъ погибельный.

О! добродѣтель, какъ блаженны твои почитатели! они чрезъ тебя держатъ въ рукахъ своихъ

твердой и неподвижной якорь всей надежды. Ибо ты, прелестная добродѣтель! получаешъ всѣ свои силы, воспитанїе и приращенїе изъ неограниченнаго искупленїя великаго избавителя: Ты приводишъ чтущихъ тебя къ сладкому успокоенїю всего великолѣпнаго блага, которое снискалъ основатель союза неоцѣненнымъ своимъ терпѣнїемъ. Истинное смиренїе оживляетъ ихъ душу, увеселяетъ ихъ изящное довольство, и ободряетъ ихъ сладкую надежду. Утѣшительно углубляетъ ихъ душу въ пространное море истиннаго и долговременнаго удовольствїя. Такимъ образомъ добродѣтель обогащаетъ своихъ почитаталей несказанно превосходными имѣнїями.

Отечество отвергаетъ безполезныхъ гражданъ, почитая ихъ для себя несносным игомъ. По тайному нѣкоему залогу каждый сочленъ долженъ что ниесть прибавить къ благополучїю великаго

общества составляющаго государство. И, какъ у деревъ отсѣкаются безплодные вѣтьви, такъ точно отвергаются злобные и непотребные, и весь родъ праздныхъ, а наипаче развращенныхъ людей, кои себя заключаютъ въ самихъ себѣ, и тѣмъ довольствуются, что бы только въ обществѣ вредить добродѣтельныхъ и приносящихъ пользу мужей.

Нѣтъ зла такъ бѣдственнаго какъ зависть: она такая язва, отъ которой ни чѣмъ излѣчиться не можно. Великодушіе и благоразуміе легко сносятъ тяжкое ея бремя. Завидуемое счастіе не имѣетъ твердости. Кто достигнулъ до такихъ знаковъ, тотъ удачно докончилъ теченіе своего благополучія.

Злоба грубыхъ невѣждъ и корысть свою надмѣру любящихъ людей видѣть и терпѣть того неможетъ, чтобъ человѣкъ за любовь и почтеніе къ добродѣтели, и тща-

тельное прилѣжанїе къ просвѣщенїю своего разсудка былъ любимъ тѣми высокими умами, которые сдѣлавшись ему благонадежнымм покровителями, предъ прочими возносили его вверьхъ превосходящаго достоинства похвалами. У таковыхъ людей до крайней тонкости доведено искуство вредить другимъ. Оно по малу приводитъ добродѣтельныхъ въ поколебанїе, подобно какъ вода прокрадывающаяся сквозь плотину, нечувствительно оную разоряетъ и довершаетъ всеконечнымъ опроверженїемъ. Сїи грубыя сердца въ своей злобѣ ту получаютъ себѣ пользу, что бы не желать добра и всякому всевозможнымъ образомъ препятствовать въ снисканїи счастїя, ненависть ихъ риторствуетъ, и нѣтъ отпсудствующему спасенїя, когда оная предпрїемлетъ кого обезславить. У ненавистїю же гонимаго простываетъ ревность, приводится въ забвенїе должность. Разсуди всякъ

тщательно, сколь сїе безпокоитъ и смущаетъ сердце добродѣтельнаго и честнаго человѣка!

Какъ бы кто предъостороженъ ни былъ, только отъ злословїя уберечься не возможетъ потому, что сїе наибольшимъ служитъ поводомъ къ разговорамъ грубыхъ людей. Нѣкоторой славной писатель упоминаетъ въ своемъ сочиненїи: *великаго сожалѣнїя и плача достойна та обыкновенная и природная человѣческая слабость. Большая часть людей склонны къ разглашенїю и вѣроятїю зла, нежели добра о своемъ ближнемъ.* Кто бы какъ честенъ и добродѣтеленъ ни былъ; однако же въ жизни своей не убѣжитъ злословїя: наподобїе всякаго древа посреди поля стоящаго, которое непогодѣ и бурямъ безпрестанно подвержено бываетъ. Весьма непонятно откуда сїе происходитъ, что тѣ бываютъ злословнѣе другихъ, которые быть кажутся фарисеями. Знаю я, что

всѣ подвержены паденію. Я сдѣлался счастливъ: неминуемо должно мнѣ запастись предъ охраненіемъ отъ паденія. Будетъ то безбѣдственно, естьли я отступлюсь отъ всѣхъ борющихся со мною непріятелей прежде своего паденія. Великую силу имѣетъ зависть въ пространствѣ нашихъ сердецъ! Она такая болѣзнь, что не даетъ преимущества ни самой добродѣтели. Самыя великодушныя сердца бываютъ мучимы сею страстію.

Злоречіе и поношеніе обитаютъ больше во устахъ завистниковъ. Они имѣютъ притворные очки, кои не допускаютъ ихъ различать правды. Они животныя толь злыя породы, что медъ прелагаютъ въ горечь и ядъ. Мутятъ воду какъ верблюды, дабы не видѣть имъ своего безобразія.

Воображается въ душѣ моей понятіе увѣренія о разглашающихъ таковое мнѣніе, что *терпѣлив-*

нымъ сношенїемъ зависти, залагаются основанїя къ великому счастїю; да и что степени благополучїя не имѣютъ другаго отличїя, кромѣ многихъ себѣ завидчиковъ. Ибо сїи диковинки такъ рѣдки, что легче всякому о нихъ разказать, нежели по примѣру ихъ поступать. Ни гласъ, ни умъ отнюдъ не могли сїе признать за истинну. Видимъ мы всѣхъ тѣхъ, до коихъ молнїя ни дотронулась, опаленныхъ и въ своей погибели погребенныхъ. Нѣтъ болѣзни такъ опаснѣйшей! Жизнь человѣческая не имѣетъ случая такъ противнаго, ни добродѣтель влїянїя такъ злаго!

Толь наипаче философу нравоучительному не должно быть завидуему, или ему должно превзойти зависть. Знаки добродѣтели и счастїя суть только оные, кои не подвержены таковой тягости.

От злобы, зависти нигдѣ не можно скрыться,
И ненависть во слѣдъ за смерным всюду мчится.

Откуду горести, мученія, бѣды?
Суть ненависти, зла, и зависти слѣды.
О небо! для чего ты столько милосердо,
Что аспидовъ такихъ собой питаешъ щедро?
Почто ихъ вредну жизнь хранишъ? почто и духъ?
Они язвятъ собой другихъ сердца и слухъ.
Возможноль смертному быть столько терпѣливну,
Чтобъ въ пазухѣ своей грѣть лютую ехидну,
Котора отдохнувъ его язвитъ во грудь.
О! смертный, все сноси, судьбѣ покоренъ будь;
На то вѣдь наша жизнь, на то и сотворенна,
Чтобъ злоба ненависть и зависть разъяренна.
Смиряли гордаго, взносили доброту.
Не сѣтуй, смертный, зря земную суету,
Она кратчайша есть, премѣнчива, превратна,
Жизнь смертныхъ таковой судбинѣ есть подвластна.

Мое состоянїе служитъ тому яснымъ доказательствомъ. Праведное небо? будь вѣрнымъ свидѣтелемъ печали немилосердо терзающей мое сердце, которое недостойно таковаго жестокаго мученїя. Ахъ, любезное отечество, для того ли я тебя оставилъ, чтобы мнѣ вмѣсто ожидаемаго благополучїя подвергнуть себя толь мучительной и горестной жизни? съ какимъ я намѣренїемъ желалъ водвориться въ то добродѣтельное общество? для того ли, чтобы мнѣ оставить оное съ прискорбїемъ и смущенїемъ моего духа? Я былъ ненавидимъ, гонимъ, притѣсняемъ, и наконецъ доведенъ дотакой крайности, что, желая спокойствїя, принужденъ былъ оставить то спасительное мѣсто, которое, страждущихъ грубостїю, невѣжествомъ, и малоразумїемъ, врачевало лѣкарствомъ нетлѣннымъ. Я въ сїе время тщетно старался призывать Сократа, которой бы, прервавшїй

свой глубокой сонъ,ársталъ, молодыхъ учинилъ просвѣщенными и разумными, а старыхъ добродѣтельными. Извѣстно, что блудящему по лѣсамъ, никакъ неможно уберечься отъ угрызенія лютыя змiи ; такъ равно и въ томъ обществѣ , гдѣ злоба , зависть и ненависть занимаетъ первое мѣсто въ сердцѣ у грубыхъ невѣждъ, никакъ не можно избѣжать ихъ злобныхъ и язвительныхъ поношенiй и ложныхъ обвиненiй.

При такихъ людяхъ не можно прожить въ тишинѣ и покоѣ ни въ самое то время, когда они бываютъ спокойны. Успокоенiе ихъ гнѣва , какъ нѣжной какоголибо большаго властелина сонъ. Странно есть толь худой породы состоянiе , потому что нѣтъ ничего въ свѣтѣ , что бы , не казалось имъ окладено тернiемъ ; и что они чувствуютъ себя уязвленными всемъ тѣмъ , что до нихъ ни прикасаешся.

Знакъ разумнаго человѣка на блюдать мѣру въ счастіи, ни совершенно полагаться на ясность настоящаго благополучія. Нѣтъ же ни чего труднѣе какъ умѣть сносить великодушно бѣдствія. Превратное счастіе нерѣдко возноситъ въ сей жизни злобныхъ и ни малѣйшей пылинки благочестія въ себѣ неимѣющихъ людей. Но только взирая на сіе всѣ неудобства и огорченія преходящія въ перемѣнѣ жизни должно сносить великодушно. Ибо счастіе разумнаго не возвышаетъ, а несчастіе не приводитъ во отчаяніе, что ясно намъ представляетъ слѣдующей примѣръ. (*) Сенека будучи сосланъ въ заточеніе, какъ объявляетъ онъ о себѣ самъ, съ какимъ великодушіемъ воспріялъ перемену своего счастія. „Теперь „Я, говоритъ онъ, поставляю себя „примѣромъ всѣмъ благоразумнымъ „мужамъ, и предлагаю способъ

(*) Сенека къ Гелопу глава 173.

„ какъ уменьшать бѣдствія. Я со-
„ сланъ былъ въ тѣ самыя страны,
„ гдѣ научился великодушію, и от-
„ вращать стремленія безразсудно
„ нападающаго счастія. Никогда Я
„ не хотѣлъ, да и не хочу впредь по-
„ лагаться не слѣпое счастіе, хотя
„ онъ меня наружно ласкаетъ и
„ возвышаетъ. Совершенно знаю то,
„ что счастіе меня лишило только
„ того, чѣмъ наградило въ жизни,
„ а власти надъ моимъ сердцемъ
„ никакой не получило, хотя и под-
„ вергло многимъ несчастіямъ и
„ бѣдствіямъ. Да я и увѣренъ, что
„ высокому зданію ничто иное ос-
„ тается, какъ паденіе. „

Роза никогда не бываетъ безъ тернія, такъ подобно нельзя быть никакому мѣсту безъ злонравниковъ. Ибо почему бы добродѣтельныхъ и великодушныхъ мужей признавать можно было, естьлибы они своими благочинными дѣйствіями не отличалисъ отъ позорной и гнусной жизни. Не только я

одинъ злосчастенъ въ свѣтѣ, но и каждый человѣкъ претерпѣваетъ горестную участь своего счастія.

(*) Желаніемъ горѣлъ
Постигнуть смертныхъ свойство,
Печали въ нихъ узрѣлъ,
Тоску и безпокойство:
И вредну склонность ихъ
Въ погибѣли другихъ.

О драгоцѣнная добродѣтель! ты красота нашей жизни, ты превеликолѣпной вѣнецъ на нашей главѣ, ты твердый жезлъ въ нашей старости, ты радостное утѣшеніе во всѣхъ горькихъ приключеніяхъ, ты надежнѣйшій вождь къ непоколебимому покою! Я только то и почиталъ своею жизнію, когда водворился въ то добродѣтельное общество, спокойствіе и веселость соединились съ моею душею. Но какъ скоро послѣдовало таковое неблагоустройство, то разогнанныя прежде мною тучи безпокойства паки собрались, и

(*) М. М. Хераскова.

помрачили все мое благополучїе. Что за алчное природы дѣйствїе, которое незазорную мою добродѣтель не престаетъ гнать?

Весьма для меня оскорбительно и несносно было, что, какъ скоро я удалился изъ того опаснаго и заразительнаго мѣста, то сколь несправедливо приписывали мнѣ разныя свойства безпокойнаго и свѣту гнуснаго человѣка. Я въ то время терпѣливо бы попустилъ себя лишить жизни; ибо мнѣ уже жизнь такъ сдѣлалась противною, что съ великимъ негодованїемъ сносилъ ея бремя. Но какъ свѣтлозарные дни моея жизни препровождены безпрерывнымъ шествованїемъ по полямъ добродѣтели и чесности, то не могутъ оные помрачены быть отъ неправаго того мнѣнїя, коебы иногда достигло слуха всѣхъ послѣдствующихъ. И хотя меня безвинно оскорбляли и ложно поносили; но я въ семъ случаѣ подражая Сократу,

(которой былъ хотя самой добродѣтельной человѣкъ, по крайней мѣрѣ между язычниками, однакоже не избѣгнулъ отъ поношенія и ругательствъ,) нимало не досадовалъ на тѣхъ, которые меня поносили язвительными и повреждающими мою честь словами, слѣдовалъ благоразумному совѣту нѣкотораго Римскаго писателя: (*)
„*не сердися*, говоритъ онъ, *на*
„*поношенія и клеветы злобныхъ*
„*сердецъ, а иди прежнею прямою*
„*дорогою, которая ведетъ къ концу*
„*нашихъ дней: и ничего того не*
„*признавай за прискорбность и*
„*огорченіе, чему ни мало не при-*
„*частенъ.* И какъ придаетъ сему
„славной Греческой стихотворецъ:
„*Будь великодушенъ, не дѣлай*
„*ни чего такого, чтобы могло по-*
„*вредить чистоту твоея совѣсти,*
„*люби честность, и наблюдай ея*
„*пріятныя узаконенія, чтобы*

(*) Маркъ Аврелій въ концѣ 3 книг.

„*быть безпорочну и добродѣтель-*
„*ну.* „

Признаться должно, что трудно терпѣть и сносить безвинно огорченія. Но когда уже человѣкъ при рожденіи своемъ оплакиваетъ имѣющія постигнуть его въ жизни бѣдствія, то и неудивительно, чтобы сіе было какое новое въ свѣтѣ случайное произшествіе. *Естьли случается тебѣ*, сказалъ Платонъ, *какое либо печальное приключеніе, то держи ты совѣтъ съ своимъ разсужденіемъ. Твои мысли да бываютъ тебѣ свѣтомъ къ просвѣщенію, а не пламенемъ къ сожиганію. Дѣла твои да будутъ твоимъ упражненіемъ, а не оскорбленіемъ, ниже всегдашнимъ безпокойствомъ, принимайся за нихъ, какъ за употребленіе твоего ума, а не вмѣняй ихъ себѣ за казнь.* Не имѣя же никого защитникомъ и утѣшителемъ въ своихъ гоненіяхъ и огорченіяхъ, каковыя нынѣ претерпѣваю, возна-

мѣрился съ моею жалобою прибѣгнуть къ единому отцу, помощнику несчастныхъ, и просить его, дабы сдѣлался защитникомѣ моея невинности, и сохранилъ меня отъ вящшихъ несчастій.

ЖАЛОБА ЛЮБОМУДРА.

Что я начну, терпя толико оскорбленье?
О! небо, долголь мнѣ сносить сїе мученье?
Когда увижу я блистательный тотъ свѣтъ,
Которымъ озарясь вся скорбь моя минетъ?
Когда я получу спокойство и утѣхи,
До сихъ поръ коими питался безъ помѣхи?
Иль добронравїя въ семъ свѣтѣ болѣ нѣтъ?
О! свѣтъ исполненный премножествомъ суетъ.
Подверженъ нынѣ я жестокому мученью,
И ко сильнѣйшему души моей смущенью;
Отъ всѣхъ я удаленъ мнѣ искреннихъ друзей.

Грустятся всѣ друзья; лишъ радостенъ злодѣй.
Востали на меня безвинно человѣки,
Разверзлись для меня адъ, пропасти и рѣки,
Всѣ тщатся погубить невиннаго меня.
Къ кому во скорби сей, къ кому прибѣгну я?
Къ тебѣ единому, мой Творче! прибѣгаю,
И предъ тобою гласъ стѣнящїй испускаю:
Тѣснити запрети меня клеветникамъ,
Невинность ты мою и душу видишъ самъ;
Забывъ святый законъ, поносятъ клеветою.
Мою, пронзаютъ грудь язвительной стрѣлою.
Гласятъ; мы истребимъ противнаго себѣ.
О! боже защити, вручаю жизнь тебѣ,
Не дай врагамъ моимъ ты мною обладать.
Не дай во злобѣ имъ надъ мной торжествовать,
Изъ рукъ ихъ варварскихъ исхити мя, я гибну.
О боже! укроти огнь мещущу ехидну.

Какъ быстропарящій Орелъ, гоняющійся за своею добычею, разверзаетъ свои когти, и разные на высотѣ дѣлаетъ обороты, дабы поймать себѣ жертву: равнымъ образомъ таково есть свойство ненавистныхъ и злобныхъ сердецъ. Ненависть злобному человѣку всякое мечтаніе дѣлаетъ справедливымъ. Она во нравѣ и сердцѣ человѣческомъ вмѣсто природной искренности и дружелюбія насаждаетъ всякія подозрительныя предразсужденія, а изъ нихъ уже раждаются пагубныя и язвительныя укоры. И таковые люди, оставя истиннаго своего вождя, здравый разумъ, послѣдуютъ слѣпотѣ, и правителемъ своимъ избираютъ безуміе, и отъ него происходящіе отрасли.

(*) Невнидетъ мудрость въ душу
злую,
Ни въ грѣшномъ тѣлѣ не живетъ;
Строптиву мужу, льстиву, бую,
Не вразумится божій свѣтъ.

(*) М. М. Хераскова.

О божественная и великая премудрость, ежели бы ты разогнала тьму грубости, невѣжества и малоразумія, и покровенныхъ таковымъ мракомъ озарила лучемъ своего огня, то сколько бы совершенно благополучныхъ и счастливыхъ было въ свѣтѣ!

Такими жалобными сѣтованіями имѣя наполненное сердце, вознамѣрился оставить не докончанное теченіе своего ученія. И таковое намѣреніе утвердя въ своихъ мысляхъ оставилъ съ неудовольствіемъ и прискорбіемъ храмъ великаго Аполлона. Несчастіе обыкновенно послѣдуемо бываетъ великими бѣдствіями. Кого одна бѣда похочетъ навѣстить, тому поспѣшествуютъ и всѣ напасти.

Ясно усматриваемъ, что науки въ сей жизни не только служатъ увеселеніемъ, но и облегчаютъ онѣ горестную бѣдность. Многіе находясь въ плѣнѣ побѣдителя, многіе въ заточеніи, и мно-

гїе въ сылкѣ печаль и болѣзнь свою облегчали упражненїемъ въ свободныхъ наукахъ. Древнїе мужи, отличившїеся отъ многихъ науками, благоразумно поступали, когда убѣгая несогласїй и ненависти, на подобїе безсловесныхъ заключались въ бочки, и проводили дни своея жизни въ различныхъ упражненїяхъ служащихъ полезными оставшимся по нихъ потомкамъ. Почему справедливо приписываютъ достойную онымъ честь. Добродѣтель, которая въ ихъ душѣ сильно дѣйствовала, наипаче всего ихъ творитъ почтенными и великими.

Самые добродѣтельные и ученнѣйшїе мужи не были терпимы ненавистными и грубыми сердцами. Ненависти же сея было причиною ихъ слѣпота и презрѣнїе того, что возноситъ и прославляетъ человѣка. Да и по справедливости можно сказать, что наиблагополучнѣйшїе въ свѣтѣ только тѣ,

которые бываютъ гонимы ненавистiю: какъ тѣ плоды самые лучшiе, кои клюютъ птицы. Хотя человѣку и прискорбно сносить обиды отъ подобнаго себѣ творенiя; однако же не тотъ, которой обижается, но которой обижаетъ, есть несчастливъ и бѣдствененъ въ свѣтѣ. Злато искушается огнемъ, а добродѣтельной и честной человѣкъ различными искушенiями. Но довольно сего утѣшенiя и ободренiя для обидящихъ, что злато не загладитъ поношенiя и безчестiя; а подлая душа не укроется подъ сiянiемъ величавой надмѣнности; и хотя она нынѣ всѣми почитаема, но вскорѣ отъимется отъ нее почесть, и отдастся добродѣтельнымъ, которые прежде были гонимы.

Бонвеалъ, урожденной въ знатной части Европы, и былъ въ одномъ городѣ начальникомъ, но при всемъ томъ состоянiя невоздержнаго и гнусной души. Дол-

гое время народъ претерпѣвалъ отъ него разныя утѣсненія. При присудствіи же верьховнаго своего правителя, народъ вышедъ изъ терпѣнія и объявилъ своему Государю всѣ неблагопристойности Бонвеала, и притѣсненія, чинимыя имъ народу. Верьховный правитель тронулся приносимою жалобою народа, которой поступалъ по правиламъ добродѣтели, чего и самъ Государь крайне держался, приказалъ Бонвеала лишить той должности, и отослать его на вѣчное заточеніе: на мѣсто же его произвелъ начальникомъ одного изъ ниской породы, которой оную возвысилъ добродѣтелію. Изъ чего заключаю, что добродѣтель всегда получаетъ себѣ достойную награду, а порокъ наказаніе.

(*) Я очи съ страхомъ отвращаю,
Отъ таковыхъ зловредныхъ дѣлъ?
И къ тѣмъ всѣ мысли обращаю,
Кто въ добродѣтели процвѣлъ:

(*) М. М. Хераскова.

Я жизнью оныхъ утѣшаюсь,
И ихъ поступками плѣняюсь.
Сколь злобно время есть,
Въ которо страждетъ честь,
Но добродѣтель кто блюдетъ,
Во вѣки не падетъ.

Есть такая въ свѣтѣ политика, что ненавистники и обидчики всегда слагаютъ свое преступленіе на другихъ; и добродѣтеленъ только тотъ, кто умѣетъ таковымъ притворяться: совершенная же добродѣтель у таковыхъ въ презрѣніи. Злато всего драгоцѣннѣе на свѣтѣ; но когда сравнимъ оное съ добродѣтелію; то увидимъ, что оно недостойно есть ея. Всегда должно содержать въ своей памяти прекрасное изреченіе мудрѣйшаго Солона: *пусть другіе*, сказалъ онъ, *стараются снискивать себѣ богатства; но ты прилѣжи болѣе о снисканіи добродѣтели, и о вкорененіи оныя въ своемъ сердцѣ.*

(*) Кто тщетну славу презирая,
Далеко отъ суетъ бѣжитъ;
На пышну гордость не взирая.

(*) М. М. Хераскова.

Въ смиреньи доброту хранитъ;
Тотъ выше всѣхъ себя поставитъ,
И передъ прочими прославитъ.

Бѣдствія, которыми моя жизнь была преисполнена, то мнѣ приносятъ облегченіе и утѣшеніе, что я испыталъ непостоянство счастія: и совершенно узналъ, что жизнь наша есть корабль безпрестанно плавающій по океяну бѣдствій, и ежечасно подлежащій опасности и потопленію.

(*) Подобно тѣни проходящей,
Подобно наше житіе,
И шагъ ко смерти приводящей
Кончаетъ наше бытіе.
Сей жизни горесть и труды,
Печали, скорби и бѣды
Изчезнутъ и пройдутъ,
Какъ мгла при солнцѣ пропадутъ.
Неправда въ мирѣ умираетъ,
А правда царствуя живетъ;
Господь злосердыхъ изтребляетъ,
И вѣкъ ихъ въ горести течетъ.

Добродѣтель есть единое благо въ свѣтѣ: естьли ты имѣешъ въ себѣ оную, то она воспроти-

(*) М. М. Хераскова.

вится всѣмъ устрашающимъ тебя бѣдствїямъ; а когда ее не имѣешъ, то старайся всѣми силами купить оную за великую цѣну. И сїе самое жизнь твою учинитъ благополучною и счастливою.

Какъ твердый камень междъ водами,
Неколебаяся стоитъ,
Борясь съ кипящими волнами
Ни во что ихъ удары чтитъ;
Отъ ярыхъ бурь не потрясется,
И съ быстрой молнїей сѣчется:
Такъ доброта зритъ невредимо.
На злость, обиды, клевету;
Такъ зритъ всегда неколебимо.
На всю земную суету;
Такъ сходится не боязливо,
съ живущимъ въ свѣтѣ горделиво (*).

Уединенїе, каковому нынѣ я посвятилъ себя, служитъ жизни моей великимъ утѣшенїемъ, истребя изъ своей памяти всѣ тѣ прежнїя несчастныя обстоятельства, каковыя были бѣдственны посредствомъ ненависти. За великое почитаю я удовольствїе то, что имѣю свободу проводить время въ

(*) М. М. Хераскова.

спокойствіи и безвинномъ упражненіи. Нѣтъ ничего для человѣка приятнѣе, какъ вкушать душевное спокойствіе. Сіе самое чувствую я нынѣ посвятя себя священнымъ музамъ, съ которыми бѣседуя, безпрестанное могу въ душѣ своей ощущать спокойствіе и безвинное увеселеніе.

Аглинскій стихотворецъ Ковлей, мужъ высокимъ духомъ снабденный, и многими науками просвѣщенный, такое учинилъ мнѣніе о гонимыхъ ненавистію и злобою добродѣтельныхъ мужахъ. *Желаніе мое*, говоритъ онъ, *давно уже состояло въ томъ, да и теперь къ тому стремится, чтобы ѣхать въ какое нибудь мѣсто изъ Американскихъ селеній для сысканія покоя, не для того, чтобъ искать злата, и обогатиться купечествомъ страны тоя, что обыкновенно бываетъ намѣреніемъ большія части людей, путь свой туда воспріемлющихъ; но чтобы*

сей свѣтъ оставить на вѣки со всѣми его суетами и печальми, и тамъ бы затвориться въ пустыняхъ непроходныхъ, имѣя только единственнымъ утѣшенiемъ философiю и другiя науки.

И такъ тишина моего уединенiя была сохранна отъ великаго моего безпокойства. Будучи я огорченъ душевнымъ омерзенiемъ, употребилъ сильные способы служащiе къ отвращенiю суетъ и печалей сего мира. Въ томъ моемъ уединенiи обрѣлъ я себѣ полезнаго друга, веселаго собесѣдника, горячаго любителя, которые и доселѣ пребываютъ со мною, и пребудутъ до тѣхъ поръ, пока я не разлучуся съ сею жизнiю, которая для меня въ теперешнемъ моемъ состоянiи всего прiятнѣе и драгоцѣннѣе. Коль благополучные дни препровождаю я въ прiятномъ семъ уединенiи! Ибо удалился я тѣхъ несчастiй, кои повсечастно терзали мою душу, и нарушали при-

ятное спокойствїе. Величайшимъ почитаю благополучїемъ то, что имѣю счастїе проводить жизнь въ таковыхъ упражненїяхъ, которыя врачуютъ всѣ болѣзни души моей. Я еще не совсѣмъ злосчастенъ: праведное небо превосходно награждаетъ претерпѣнное мною бѣдствїе, когда провождаетъ меня къ таковому благоденствїю, коего я, будучи въ толь горестномъ состоянїи, достигнуть отчаявался.

КОНЕЦЪ.

изъ книгъ Гаврила
Иванова Волкова

1363/76.

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде.

Гос.
Публичная
Б-ка
в
Ленинграде.

ГПБ Русский фонд
18.69.8.10.